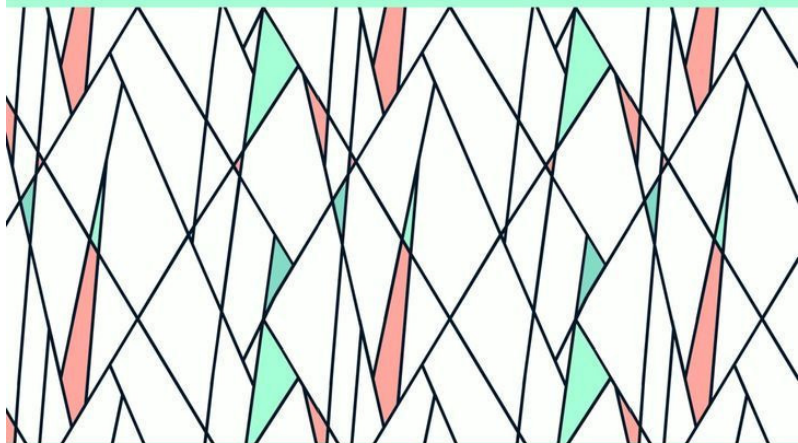

18+

Вячеслав Киктенко

УДАР

Книга стихотворений

Вячеслав Вячеславович Киктенко

Удар. Книга стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57439114

ISBN 9785005137814

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Большинство народных песен горестно, жалобно, печально. Русский фольклор, во всяком случае, состоит в основном из песен о женской, «горестной бабьей доле». Сложилась идея собрать «мужские» стихи. Не из всего корпуса народной и светской поэзии, а из своего творчества, и назвать книгу коротко: «УДАР».

Содержание

«На родном полурусском вокзале...»	5
ЧУГУНКА	6
ЖУКОВИНЫ	8
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ РОМАНС	10
АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ	12
ЗАГОВОР	18
КЛИНОК	20
БАЛЛАДА О КРОВНИКАХ	23
ВРЕМЯНКА	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Удар
Книга стихотворений

Вячеслав Вячеславович
Киктенко

© Вячеслав Вячеславович Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-3781-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«На родном полурусском вокзале...»

На родном полурусском вокзале
Мне почти что по-русски сказали
«Карабас-барабас» и «Шайтан».
А потом угощали «аракой»,
А потом – упоительной дракой,
А потом похвалили: «Братан!»

Ассирийцы, чавэлы шумели,
И какие-то даже шумеры,
Вавилоняне, хетты... хотя
В бой отсюда за Русь уходили,
Не Москву, Вавилон защитили.
...и всего-то полвека спустя.

ЧУГУНКА

Жрал бренди, дрался в тамбуре, продул
Мослы насквозь. Осенний свист в колене.

Поля, поля...

Протёр стекло – в долине

На бугорке стоял домашний стул.

Изрядно, я подумал,

И хотел

сойти,

Но передумал. Надо ехать.

...а кроме – все мы свињи!..

И завыл

Чугун тоскливый в поле...

За державу

Обидно. Но впендюрил хорошо.

Что хорошо, то хорошо. В сопельник.

И в ухо. И ещё, «на посошок».

И – встать помог... ну вот, опять завыл,

Опять тоскует, сволочь...

Ехать надо!

Как инвалита от инвалида

А пара пива от пивовара,

Как терракота и катаракта

От таракана и каракурта,
Как гоноррея от геморроя
А от пилота полёт болида
Мы отличимы,
И мы отчалим.
И мы отчаливаем на кулички —
От дома отча к чертям собачьим,
К волчкам колючим, мырчим и вячем,
Мяучим, крячем, фырчим, пророчим,
Корячим птичей, мрачей... а, впрочем,
Чего бурчим? Для чего маячим?
Никто не знает чего портачим,
Санскриль, сакраль, озарель морочим,
Латыль порочим, жалезо мучим,
Ляминий учим латать парады,
А во-он – летательные аппараты
Под парашеты авиалиний
Завиливают, как в исход летальный...
Отлив винта ли, иллюминация?..
О левитация Лилиенталя!
О эволюция галлюцинаций!..
Не лепо ль, братцы, и ны потщиться,
Аще простреться в иные святцы,
В люминисцентный прострел плаценты...
О навигация гиперпростраций!
О голубиция люминисценций!

ЖУКОВИНЫ

В нежной виноградине сидят чёрные зёрна.

Итак,

Очень чёрные, тихие зёрна.

А потом?

А потом из прозрачной осенней кроны вылетают гроздья
ворон...

Ну, кого тут судить?

Размышляя и вглядываясь упорно,

Я размыслил, потом разглядел

Хорошо подслащённый изъян и урон. —

А не больно ли жаляща здесь

(Точно соты в огне)

Безобидная сладость, обольстительность мира?

А не шибко ли сыт и медов независимый высвист пустот,

Чтоб не ахнуть – а мы тут при чём?

Может быть, мы отозваны с пира

(Стой, кто там!), и затеяна с нами игра

(Руки вверх!), чтоб отвлечь нас, дурных,

(Кто идёт?!.)

Кто идёт, тот идёт.

Я не знаю, не знаю... я только смотрю в сердцевину,

В огнеплод – сквозь завой жуковинок зернистых,
Чернеющих на серебре,
В полунаклоны причин, виновато свивающихся,
Скрадывающихся в пружину,
И удары их в спину – вразброс —
Как щебёнкой в подлючей игре.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ РОМАНС

Пышной радугой, негой пшеничной степи
Он ступает так мягко на ласковый ток...
А загревок затронь – искр и молний снопы!
Электрический кот.

Он ныряет в неон, он лудит провода,
Он купает в луне золотые усы.
Зелен глаз его. Место свободно? О да!
Кот сияет в такси.

Он в корзинке везёт электрический грог
Балеринке ночной, у неё в позвонках
Переменный играет испуг и зверек
В постоянных гуляет зрачках.

И юля, и пылая, с порога она
Запоёт: так-так-так, мой божественный кат,
Отвратительный кот, черномор, сатана!..
Вырубайся скорей, энергичный мой гад,
Дуремар черномордый, скорее ныряй,
Я балдею, мур-мур, ненавижу, скорей,
Я тащусь,
Электрический кот!

Когда я не в себе, а в тебе,
Когда я зарываюсь, как зверь,
В крошечный, душный сад, не в себе
И ты. И ты в засаде. И знай —
Теперь, возненавидя всю кровь,
Всю кривь земли, зарытой во мрак,
Меня, себя, и всё, что внутри,
Ты только распрямляешь мой свет
И оголяешь чистый свой ток,
Ты бьёшь им из артерий, смотри,
Горят твои засады, смотри —
Просквожены до жилки!..
Теперь
Мы только свет. В нас кончился зверь.
Сгорел, извылся, свился в золе...

Мы возвратились в сад золотой,
Мы вышли из себя на земле!

АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ

Тётки пили, пили с детства,
Пил и папа, пила мама,
Всё спустили...
А в наследство
Перепала пилорама:
Вжик, вжик, вжик, вжик,
Я и баба и мужик,
Никого не люблю,
Кого хочешь распилю.
Где моя
Детвора?
Ни кола,
Ни двора.
Пилорама одна,
В ней сидит сатана:
Пилит, пилит, пилит, пилит,
Кружит, кружит, кружит, кружит...
Дети были б —
Нету мужа.
Нету бога,
Нету беса,
Вот уже и нету леса,
Вообще – ничего,

Вообще – никого.
Я одна во хмелю
Голый воздух пилю,
Потому что я – Бог,
Потому что – стою
И толкаю под круг
Всю вселен-ну-ю...

Я помню, накануне перестройки
Брели с предгорий, с дружеской попойки,
Галдя, как на базарном перекрёстке,
И смолкли вдруг: *Не будь ко мне жестоко* —
Послышалось – *прекрасное далёко*.... —
Обнявшись, пели девочки-подростки.

Так чист и звонок хор их был, так светел,
Что заглядевшись, я и не заметил
Как от друзей отстал, как всё печальней
В зелёной роще песенка дрожала...
Я помню только, сердце смутно сжало
Предчувствием беды какой-то дальней.

С чего бы вдруг? Они так звонко пели!
На светлых блузках галстуки алели,
Желтела в одуванчиках округа,

А девочки венки из них свивали,
Меня не замечая, напевали,
И украшали головы друг друга.

Не знаю... но в разорванных пространствах
Я вспоминаю девочек славянских
В предгорьях цветущего Востока:
Как пели, как надеялись, как ясно
Светило им далёкое прекрасно,
Прекрасное, неясное далёко...

Бабушка-побирушка,
Маленькая, как ведьма,
С распущенными волосами,
По переулкам бродит,
По закоулкам рыщет,
Под окнами свистом свищет,
В ворота ногой стучит,
И палку сжимает в костлявой горсти:
«Ты-ы, – говорит – пусти-и!...»
Не отворяют двери,
Бабушку не пускают...
Топчет бабушка листья,
Точит об камни ножик,
Шинкует, будто капусту,

Слезы внутри котомки,
Шатается,
Приборматывает,
Шушукается с темнотой:
«А-а, – говорит – посто-ой!..»
Город не любит нищих,
Трясущихся, сумасшедших,
Город от века к веку
Себе грядущее строит,
А нищий, он тот же нищий,
А он не обрящет – ищет,
И свистом пропащим свищет,
И будущее клянет.

Бабушка-побирушка,
Кошмар городских подворотен,
Оборотень, привидение
Крадущееся сквозь века...
Свет ли сияет в камне,
Ставни ли стучат от ветра,
Бродит под окнами кто-то,
«У-у, – говорит – тоска!..»

Щекочет ноздри запах шашлыка...
Сейчас бы что? Бутылочку пивка,

И – в очередь к шипящему мангалу,
И с шуточками, чувствуя плечо
Сограждан, поддержавших горячо
Твой вольный пыл – в похмельную Валгаллу,
В гражданский бунт, в разнос всего и вся!..
Но осознав, что на тебя кося
Державным глазом, хмурится шашлычник,
А с ним и все вокруг, сникаешь... блин!
Да здесь же все рабы! А ты один
Не воин, несправившийся язычник!..

Большая честь говорить с эпохой.
Не с собачонкой, заметь, лопоухой,
Не с вечностью даже, не со вселенной,
И не с девчонкой, а с непременной
Пряжемотальщицею, современной
Швеей, так сказать, мотористкой судьб.
О люди, люди!.. Но будет, будет.
Не столь уж постыдно, не так уж и плохо,
Эпоха, в общем-то, как эпоха,
Конечно, шлюха, но ведь и пряха?
Мотает в прах, и прядет из праха.
Но почему говорить с эпохой?
Почему не с тем вон сухим джентльменом,
В кафе заседающем, и с его девчонкой?

Или хотя бы с тем вон крутым бизнесменом?
Хотя бы со шмыгающей между столов собачонкой?
Но плачет, плачет над самым ухом
Моя эпоха:
«Мозги воздухам
Посотрясаем?.. Возьми, поохай,
Поговори ты со мной, эпохой,
Поплачь, поохай со мной, потрахай...»
А знаешь, мила, пошла ты в баню!
Я не хочу говорить с эпохой,
Я их имел, все твои соблазны,
Ловился, хватит. И безобразны
Твои посулы. В иные гумны
Я коlobком закачусь, я умный, —
Там свет бессмертья, там всё иное...

– «Поговори, дурачок, со мною...»

ЗАГОВОР

Кликать станет чёрный, злой,

У него глаза иглой —

Не люби его,

Не люби его!

Станет рыжий звать, а он

Пустомеля, пустозвон —

Не люби его,

Не люби его!

Вот приду,

Позову,

Вот скажу —

Выходи!

Не люби, не люби, не люби

Никого!

То и думать брось, не люби!

Не люби вон того,

Не люби вон его,

А меня – видишь я? —

Люби!

Видишь – я?

Вот меня люби.

Видишь Я?

Слышишь Я?

Говоришь твоя?!

Страшон оставленный мужик,
Наобещавший самке шик,
И музыка его вжик-вжик
Страшна и весела.

Смешон хромающий вожак,
Как постаревший, жуткий жук,
Покуда стая, сбив кружок,
Его не сожрала.

Мужик хватается за нож,
Вожак вгоняет стаю в дрожь,
А ты не плох и не хорош,
И рожей так себе,
И не вожак, и не мужик,
Шутник, шатун, ошибка, пшик,
Цигарка на губе...

КЛИНОК

Разметали узор многосложный
И смотали в единую нить.
Всё, что ложно теперь, что не ложно,
Не распутать, не разъединить.
Но когда на судилище скором
Рвут мне душу – ты за или нет,
Я молчу, я помедлю о разбором,
С осознанием где тьма, а где свет.
Но уж там, где кроют по живому,
В ключья рвут застонавшую ткань,
Я пойду к рубежу роковому,
Я ступлю за недобрую грань,
Этот искренний, этот лукавый,
Тут ошибка, там просто беда,
Это правый, а это неправый —
Я скажу наконец, и тогда
Тяжкий луч, из ночи извлечённый,
Благодарно поднимет рука...

Так целуют эфес золочённый
Разрубившего узел клинка.

Ах, как душа запела, как запела!

Пронзилась чем-то вечным, дорогим,
И – разрослась в себе,
И – закипела...

Откуда охолонуло таким?

Оттуда, всё оттуда, всё оттуда,
Где глыбы льдов разламывала кровь,
Где в жилах пламенела из-под спуда
Земли и предков страшная любовь.

*«...некому берёзу заломати,
Некому кудряву защипати...
Я пойду, пойду погуляю,
Белую берёзу заломаю...
Выломлю я, гад, два пруточка,
Сделаю я, млад, два гудочка...»*

Огни и корчи крови, лютый холод,
Зелёная походочка равнин,
И – песня надо всем! И – чёрный хохот
Над барством беломраморных лепнин.

Откуда, и куда... Какая дикость!
Когда всё так ознобно, так свежо.
Душа запела... разберись, поди-кось...
И страстно, а и страшно. Хорошо.

В какой цивилизации другой
Размах найдёшь такой, и стиль такой? —
Громадна, горяча, как баба, – домна,
Разверстый пах печи ярит полунагой,
Громадный кочегар с огромной кочергой,
И всё вокруг так страстно и огромно:
Штыри и дыры... раструбы... огни...
Ты только отстранись и загляни
Из вечности в музей времён угарный:
Средь архаичных капищ, мёртвых трасс
Советский эпос источает страсть
Как звероящер, вечно авангардный!

БАЛЛАДА О КРОВНИКАХ

И завязалась кровавая драка,
И зарезал он кровника своего,
И огромная, чёрная собака
Появилась возле дома его.
А дом его стоял на большой дороге,
Но он не скрылся, не ушёл в бега,
Вверх лезвием топор положил на пороге
От грома и от врага.
Он жил как прежде, пел, смеялся,
Верил, смерть далека...
Но во время грозы боялся
Дотрагиваться до молока.
А власть сквозь пальцы на всё смотрела,
Подумаешь, один головорез
Порешил, удорожил другого, обычное дело...
Он клал под подушку обрез.
А собака кружила – молча, сонно,
И однажды, вскинув ружьё,
При повороте солнца он выстрелил в солнце
И три капли крови упали на неё.
И тогда три клыка проросли громадно,
И она погнала его, как лису,
И загнала его в лес, и клыки в него жадно
Вонзила, в папоротниковом лесу.

...родными в дом принесённый,
Умирая, последнюю песню он спел,
И вздохнул, и уже совсем просветлённый,
Облегчённо молвить успел:
– «С самого детства смертником был я,
Это мне была предназначена кровная месть.
Затем его и убил я,
Чтобы спокойно спать и есть.
Да судьбу на кривой не объехать, однако.
С самого рожденья кружила беда.
Наконец-то, наконец-то уйдет собака!..

Она не уходила никогда...»

Белая водка под белой сиренью,
Май золотой!
Машет невеста, хмельная сирена,
Белой фатой,
Жарит баян довоенный с одышкой,
Пляшет жених.
Бел баянист, а глядится мальчишкой,
Это для них!
Пир на сиреновом пьяном бульваре,
Каждый – прощён...
Лучшая свадьба не в дымном угаре
Хат и хрущёб,
Лучшая свадьба, как стихотворенье,

Всем налито...
Белая водка под белой сиренью
Самое то!

На Север, на Север, на Север!..
На сейнер!
Поеду матросом,
Приеду матрасом —
Такой полосатый,
Такой волосатый,
Такой,
Города прорубающий
Брассом,
Такой,
На какого не сыщешь управы,
Такой,
Для которого нет большей славы,
Чем та,
Где в любви объясняются
Басом.

ВРЕМЯНКА

Крест-накрест дранкою закрещены,
Багряно в ночь сочатся трещины,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.